Книга 1: Пробуждение волка

Глава 2

Геральт всматривался в самого большого тролля, которого он когда-либо видел за свои сто лет. Оно было на три-четыре фута выше и на фут шире любого другого, с которым ведьмак когда-либо сталкивался. Он задавался вопросом, сколько ему лет.

Он шел по кровавому следу через лес, пока не вышел на небольшую поляну – поляну, на которой был вход в пещеру, из которой вышел этот гигантский каменный тролль. Ведьмак, теперь не обладавший ни малейшим запасом самосохранения, не наносил на свой меч никаких масел перед боем и не употреблял никаких улучшающих способности отваров или зелий. Он просто начал медленно – и без осторожности – идти к зверю. Более того, во время подхода он принял решение не использовать ни один из своих Знаков во время боя.

«Пусть победит лучший монстр», — сказал себе Мясник из Блавикена, вытаскивая свой серебряный меч.

Геральт тут же сделал шаг вправо, когда тролль без всякого предупреждения швырнул в его сторону небольшой валун. Он кувыркнулся вперед, чтобы приблизиться к своему противнику, и, поднявшись на ноги, ударил тролля по груди. Он использовал инерцию удара, чтобы развернуть свое тело в пируэте, и когда он завершил поворот на 360 градусов, его клинок ударил снова – на этот раз по мягкому животу монстра. Убийца монстров немедленно изменил направление движения своего меча, а затем обратным движением пронзил лезвием левое бедро тролля.

Белый Волк трижды проливал кровь за секунду. В ответ монстр взревел и повернулся к нападавшему спиной – как раз в тот момент, когда ведьмак наносил вниз мощный двуручный удар. Когда серебряный меч ударил тролля по твердой, похожей на камень спине, оружие издало характерный тошнотворный звук, который на малейший момент отвлек ведьмака. Это был звук, который знали все ведьмаки и которого все боялись. Тролль воспользовался отвлечением внимания, немедленно контратаковал и нанес мощный удар тыльной стороной руки, который раздробил мышечную ткань и сломал кость. Мощная сила удара подбросила Геральта в воздух минимум на пятнадцать футов.

Ведьмак, с гримасой, медленно встал, а затем пошел назад, чтобы отдалиться от тролля. Затем он быстро посмотрел на свой меч. То, что он увидел, заставило его остановиться. Осмотр показал, что одна кромка лезвия сильно сколота. Что еще более важно, от этого поврежденного края возникла и распространилась большая трещина, которая шла в нескольких направлениях по всему металлическому лезвию. Меч теперь был практически бесполезен.

« Точь-в-точь как я», — подумал он про себя.

Он посмотрел на тролля, находившегося на расстоянии добрых тридцати футов. Внезапно монстр ударил себя кулаками в грудь, издал рев и бросился на Геральта.

«Время умирать», — прорычал ведьмак и тоже побежал — навстречу атакующему зверю.

Когда два бойца столкнулись, казалось, что одновременно произошли три события. Геральт почувствовал, как острие меча пронзило живот тролля; он услышал громкий треск, когда лезвие сломалось пополам; а затем его зрение потемнело, когда разъяренный монстр сбил его с толку и потерял сознание.

ooo

Ведьмак очнулся, тело его напряглось, и боль мгновенно захлестнула его чувства. Посмотрев вверх, он увидел несколько пухлых облаков, проплывавших по голубому небу, и запах смерти наполнил его ноздри. Проведя быструю мысленную оценку своего тела, чтобы обнаружить различные места его травм, он глубоко вздохнул, опустил голову обратно на землю и закрыл глаза.

«Сукин сын… Я все еще жив? Насколько я жалок? Я даже не могу умереть правильно», — ругал он себя.

Геральт действительно не был мертв, и поэтому ему отчаянно требовались лечебные зелья. Крякнув, он осторожно перевернулся и встал на колени, его левая рука инстинктивно защищала поврежденное туловище. Именно в этот момент он заметил в нескольких ярдах от него Роуча, жевавшего траву и время от времени поглядывавшего на ведьмака. Геральт слегка покачал головой при мысли о ее преданности.

«Не очень умно, Роуч… следовать за мной», — сказал он, глядя на свою лошадь. «Верный, но не очень умный».

Она всегда приходила к нему, когда он звал ее и, видимо, даже когда он этого не делал.

Затем взгляд убийцы монстров опустился вниз и увидел лежащий неподалеку его разбитый серебряный меч. К рукоятке было прикреплено менее двух футов лезвия, поэтому он повернул голову, осматривая местность, чтобы найти остальную часть серебряного лезвия. Именно тогда он увидел тело тролля на земле в нескольких ярдах от себя, и, как ни странно, на плече тролля покоилась маленькая бабочка. Маленькое насекомое взмахнуло разноцветными крылышками и улетело за деревья, а ведьмак все время смотрел на него.

В конце концов, его внимание снова было сосредоточено на тролле, и он внезапно удивился, услышав слабое, медленное сердцебиение монстра. Он захромал – боль заставила его зашипеть сквозь зубы – и опустился на колени рядом с умирающим троллем, лежавшим на боку. Он увидел сломанное лезвие своего меча, торчащее из брюха зверя. Трава под монстром была пропитана кровью, но из раны теперь вытекало лишь небольшое ее количество. Его глаза поднялись вверх и встретились с глазами тролля. Он видел в них безошибочную печаль.

«Хууууууу

Через несколько мгновений ведьмак задумался над последними словами тролля.

"Ты хочешь пойти домой?" — спросил Геральт.

Тролль моргнул и слегка кивнул.

— Ты имеешь в виду свою пещеру?

На этот раз ответом было легкое покачивание головой.

— Ты… — но ведьмак не закончил вопрос, услышав последний вздох тролля и увидев, как свет погас в его глазах.

Геральт не сразу поднялся, а продолжал стоять на коленях рядом с троллем, задумавшись. Он задавался вопросом, а не пещера ли это, где же находится настоящий дом тролля. И он задавался вопросом о том, «кто» связан с этим загадочным домом. Геральт знал, что дом — это не просто физическое место или место для жизни. Дом был тесно связан с семьей и близкими. Он посмотрел на мертвого тролля и нашел иронию в том, что этот монстр , очевидно, думал о каком-то месте и, возможно, о ком-то как о «доме», в то время как он сомневался, считает ли он какое-либо место своим домом. После смерти Весемира он не был уверен, считает ли он вообще Каэр Морхен своим домом – если вообще когда-либо считал. А если «Дом там, где твои близкие», то Геральт понял, что, в конечном счете, его дом там, где была Цири.

Мысли о Цири заставили его вспомнить, когда он видел ее в последний раз. Он все еще мог представить, как она входит в эльфийскую башню на острове Ундвик. Он пытался отговорить ее от этого, но не запретил ей прямо войти в башню, чтобы противостоять апокалиптическому Белому Морозу. Хотя ему не нравилось ее решение, он уважал ее право делать в своей жизни любой выбор, который она хотела. Возможно, она была его дочерью, но она была его взрослой дочерью. Он определенно не ценил, чтобы кто-то говорил ему, как жить, поэтому он проявлял к дочери такое же уважение и вежливость. И тут что-то вдруг щелкнуло в голове ведьмака.

«Ты ничего не мог сделать, чтобы помешать ей встретиться с Белым Морозом. Она была полна решимости сделать это. Даже если бы ты проигнорировал ее право принимать собственное решение и попытался физически остановить ее, с ее силой, она могла бы легко сбежал.

«И она умерла, чтобы спасти тебя. Она умерла, чтобы ты мог жить. Если ты действительно уважаешь ее, то не трать зря ее жертву».

Ведьмак опустил голову, внезапно устыдившись своего поведения после ее смерти. Через мгновение на его лице появилось выражение решимости, и он кивнул сам себе. Он понял, что, если бы роли поменялись местами и он умер за нее, он бы хотел, чтобы Цири продолжала жить – вести жизнь, полную радости.

Он снова кивнул головой. «Ладно… я перестану искать смерть — для тебя, Цири», — решительно сказал он.

Ведьмак снова посмотрел на тролля. Он почти рассмеялся, хотя на его лице не было улыбки. Он покачал головой в изумлении от абсурдности жизни: именно предсмертные слова тролля вывели его из состояния, близкого к самоубийству. Именно стремление этого монстра вернуться домой загадочным образом вызвало изменение его взглядов на смерть Цири. Потому что, действительно, смена точки зрения была единственной переменой, произошедшей с ведьмаком за последние несколько минут. Его обстоятельства определенно не изменились. Цири все еще была мертва. Весемир все еще был мертв. Он все еще был с похмелья, сломлен,

избит и одинок. Но, тем не менее, сейчас он, несомненно, отличался от того, когда очнулся от бессознательного состояния менее получаса назад.

Помня об этом, ведьмак принял решение. Он не собирался снимать голову зверя как трофей и отвозить ее Ринде, чтобы получить награду. Даже если это не имело никакого смысла, Геральт думал, что он что-то должен троллю – определенно нечто большее, чем обезглавливание его трупа. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вернуться на дорогу, где хранились его седло и зелья, хранившиеся в седельных сумках. Более часа спустя, после того, как омолаживающий эликсир начал действовать и он почувствовал, что действительно сможет забраться на свою лошадь, он снова надел седло и уздечку на Роуча и поехал обратно на поляну. Он вытащил из своего снаряжения короткую лопату и начал очень долгий процесс рытья могилы, достаточно большой для гигантского тролля.

Он не был уверен, почему решил вырыть могилу для монстра вместо того, чтобы просто кремировать его своим Знаком Игни, но в этом начинании было что-то исцеляющее. Возможно, просто потому, что впервые за два месяца он занимался чем-то более значимым и продуктивным, чем напиться. Возможно, потому, что рыть могилу было знаком уважения к троллю, а ведьмак уже давно не выказывал уважения ни к Цири, ни к себе, ни к кому-либо еще. Или, может быть, потому, что могила тролля была символической – памятником в память о смерти желания Геральта умереть. А вместе с этим и новое желание найти смысл жить. Но независимо от причин, ведьмак знал, что ему нужно это сделать.

Много позже, после того как солнце зашло за Великое море и луна поднялась высоко над головой, Геральт стоял на краю могилы с полной бутылкой водки в руке. Он откупорил бутылку и начал выливать ее содержимое на кучу грязи у своих ног. Когда бутылка опустела, он глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

«Где бы ты ни был, тролль… Надеюсь, ты дома».

ooo

Аэдирн; Октябрь 1272 г.

С грохотом, похожим на гром, на тихом, зеленом лугу появилось кольцо овальной формы высотой десять футов. Из этого огненного портала вышла замечательная женщина. Филиппа Эйльхарт была примечательна по многим причинам: ее мощные магические способности; ее глубокие знания тайных ветвей магии, включая полиморфизм; ее красота и впечатляющая фигура, которую она, как почти любая другая ведьма, любила выставлять напоказ; и тот факт, что, несмотря на то, что король Редании выколол ей глаза, она все еще оставалась одним из самых опасных людей на планете.

Эта последняя деталь была свидетельством, пожалуй, самой замечательной ее черты – настойчивости. Несмотря на то, что она была самой разыскиваемой женщиной в Северных королевствах – благодаря тому, что была объектом ненависти короля Радовида – и несмотря на многочисленные покушения на ее жизнь, она явно была еще жива. Эта способность к настойчивости напрямую объяснялась ее невероятной хитростью. Конечно, именно ее безжалостная хитрость – и интриги – в конечном итоге, в первую очередь, подвергли ее опасности.

С темно-каштановыми волосами, заплетенными в одну косу, ниспадающую до середины спины, в изумрудно-зеленом облегающем платье до щиколотки, открывающем почти четыре дюйма декольте, она медленно шла к изолированному коттеджу на окраине города. город Венгерберг,

столица Аэдирна. Она почувствовала магический барьер, окружавший коттедж, и прошла сквозь него, и когда она приблизилась к входной двери, она открылась сама по себе.

«Пожалуйста, входите, Филиппа», — раздался царственный голос изнутри.

Голос принадлежал Йеннифэр, красивой черноволосой волшебнице, одетой в черное платье. На ней были кожаные сапоги до бедра на высоком каблуке; облегающие брюки из мятого бархата; и такой же облегающий топ с кожаной отделкой поверх белой шелковой блузки. И, как обычно, на шее у нее было черное колье, украшенное обсидиановым кулоном в форме звезды.

Две женщины подошли, остановились, медленно рассматривая одежду и внешний вид друг друга, а затем небрежно поцеловали другую в щеку, которая на самом деле была на несколько дюймов меньше, чем когда-либо касаясь кожи.

— Итак, Фил, чему я обязан этим удовольствием? — спросила Йеннифэр после того, как они обе устроились в ее берлоге.

«Йенна, я просто пришел в гости к моему дорогому другу. Я беспокоился о твоем самочувствии после смерти Цири. Хотя, должен сказать, что, возможно, мне не следовало этого делать. Ты выглядишь точно так же, как и всегда . иметь." Филиппа улыбнулась, но это ничего не значило. Если бы мертвецы могли говорить, они бы засвидетельствовали, что в ее улыбке была жестокость.

«Вы слишком добры. И я обожаю ваш новый образ. Затемненные очки мне очень идут. Гораздо больше, чем повязка на глазах. Жаль, что вы до сих пор не смогли полностью восстановить свои глаза». Йеннифэр улыбнулась в ответ.

«Да, ну… мне удалось восстановить зрение. Остальное я скоро закончу. Спасибо за заботу».

«Действительно увлекательно», — сказала Йеннифэр. «Итак, теперь, когда любезности позади, скажи, почему ты на самом деле здесь?»

«Очень хорошо», — ответила Филиппа отрывистым тоном. «Проще говоря, ты нужен. Ты здесь, скрываясь от мира уже несколько месяцев, но достаточно. Я знаю, что ты, возможно, все еще скорбишь о смерти Цири и… хандришь по ведьмаку, но — и Я знаю, что это может показаться холодным – жизнь продолжается».

Йеннифэр прищурила глаза.

«Я слишком уважаю тебя, чтобы относиться к тебе так, как будто ты слабая и хрупкая. Ты сильная и могущественная волшебница. Ты вполне способна оплакивать Цири и при этом оставаться главным игроком в мировых событиях».

«Ну-ну, прибегаю к лести. Должно быть, дела обстоят отчаянно».

«Действительно. Война идет не так, как планировал император Эмгыр».

Йеннифэр рассмеялась. «Как будто тебя действительно волнует то, что происходит с Нильфгаардом. Кроме того, у него есть ты , какая еще волшебница ему может понадобиться ?»

«Это правда. Судьба Нильфгаарда меня, в конечном счете, не волнует. Но судьба магии волнует».

Йеннифэр нахмурила брови, но промолчала, и Филиппа продолжила.

«Наступление Империи на Реданию полностью застопорилось. К моему разочарованию – и императору – Радовид – маленький засранец – оказывается обладающим хоть какими-то навыками в военной стратегии».

Учитывая глубокое презрение волшебницы к королю Радовиду, было очевидно, что этот незначительный комплимент на самом деле был огромным преуменьшением.

«Действительно интересно. И это касается меня – и судьбы магии – как именно?»

«Пожалуйста, Йеннифэр, не притворяйся невежественным. Это ниже твоего достоинства. Ты прекрасно знаешь, что если Нильфгаард потерпит неудачу и будет вынужден отступить к югу от Яруги, то Радовид просто не позволит старым королевствам реформироваться. Он уже завоевал Каэдвен. Ничто не могло помешать ему поглотить уже побежденные Темерию, Сидарис, Брюгге... и Аэдирн. Учитывая его ненависть ко всему магическому... ну, мы просто не можем позволить ему контролировать северную треть Континента.

Йеннифэр вздохнула. Она уже устала от войн и политики. Потому что, действительно, после десятилетий – а может и столетий – заговоров и махинаций волшебниц, что на самом деле изменилось? Место пользователей магии в мире практически не отличалось и не было безопаснее, чем сто лет назад. Йеннифэр поняла, что в жизни есть вещи поважнее, чем постоянные политические маневры и силовые игры, которые так явно нравились Филиппе. Что-то вроде… затем она остановилась, слегка покачав головой, не желая снова обо всем этом думать.

«Филиппа, других волшебниц Ложи наверняка достаточно. Я не могу себе представить…»

— Ложа мертва, Йенна, — прервала ее Филиппа.

Йеннифэр потребовалось все самообладание, чтобы не открыть рот от этой новости.

«Не все, но… Сабрина, Силе, Кира, а теперь Ассире и Рита. И…»

— Рита тоже?

Филиппа серьезно кивнула.

«Не Рита», — прошептала она про себя. «Шлюхи».

«Действительно. А учитывая, что Трисс сбежала в Ковир, а Франческа и Ида отказываются покидать Дол Блатанна… нас остается только трое».

Из всех смертей смерть Маргариты Ло-Антиль уязвила Йеннифер больше всего, потому что Рита действительно была не совсем такой, как остальные. Она не питала никаких личных устремлений к правящим странам. У нее не было амбиций получить политическую власть. Ее главным желанием было просто руководить школой, передавать удивительные и захватывающие возможности магии молодому поколению волшебниц. И делать это без страха преследования. Казалось, она искренне и просто хотела лучшего для «магии». Ее главная ошибка, возможно, заключалась в том, что она слишком доверяла Филиппе - просто слепо следовала за ведьмой из планов и замыслов Монтекальво, никогда по-настоящему скептически не относясь к ее личным мотивам или просто задаваясь вопросом, есть ли лучший путь. С Йеннифэр такого никогда не было.

Черноволосая волшебница некоторое время молчала. Она начала осматривать свой маленький коттедж. Она заметила раскрытый и закрытый любовный роман, лежащий на столике возле ее стула. Ее взгляд скользнул по одному из ее лабораторных столов, к маленькому котлу, который кипел на слабом огне – котлу, наполненному ее волшебным кремом для лица, чтобы скрыть морщины вокруг ее глаз. Она заметила легкий слой пыли на книгах на одной из полок. Она посмотрела на единственную миску и ложку, которые оставила на кухонном столе после утреннего завтрака. Наконец, она слегка вздохнула, а затем подняла глаза и встретилась с тонированными линзами Филиппы.

«Прекрасно. Что от меня нужно «магии»?»

ooo

Северо-восточный Каэдвен; декабрь 1272 г.

Эскель подъехал к главным воротам Каэр Морхена – оплота ведьмаков из гильдии Школы Волка – и с удивлением увидел, что их отремонтировали. Ворота, как и большая часть крепости, были серьёзно повреждены прошлым летом, когда Дикая Охота напала на Цири, пытаясь захватить Цири. После смерти Весемира и знания того, что Ламберт никогда не вернется, остался только один человек, который приложил бы усилия, чтобы вернуть крепость в рабочее состояние, и эта мысль вызвала улыбку на лице темноволосого ведьмака. Он несколько раз выкрикнул имя Геральта, но безрезультатно. Эскель вздохнул, привязал поводья Скорпиона к передним воротам, а затем начал долгий путь к потайному проходу в задней части крепости. Однако это не испортило его настроения. Теперь он с нетерпением ждал встречи со своим «братом».

Двадцать минут спустя Эскель был внутри крепости и мог слышать очень слабые хрюкающие звуки. Он последовал за шумом к маятникам, где обнаружил тренировку Белого Волка. Он выполнял стойку на одной руке, с мечом в правой руке, вытянутым в сторону для равновесия. Маятник раскачивался взад и вперед, и, покачиваясь в сторону ведьмака, он сгибал локоть, чтобы опустить туловище, одновременно поворачивая все тело на четверть оборота и раздвигая ноги так, чтобы маятник проходил между ними. их. Как только он отклонился назад, он нажал на себя вверх, обращая процесс вспять и возвращаясь в исходное вертикальное положение.

Он продолжал это делать до тех пор, пока маятник наконец не потерял свою динамику. В этот момент он начал выполнять жимы всем телом одной рукой, все еще держа ноги над головой. Эскель перестал считать после того, как Геральт сделал двадцать повторений. Физические способности Геральта никогда не переставали удивлять Эскеля. Хотя он считал себя равным Белому Волку в фехтовании и, возможно, даже превосходил его в интенсивности Знаков, он не мог сравниться с Геральтом в силе, равновесии, рефлексах и тому подобном. На самом деле никакого ведьмака не было.

Эскель позвал своего друга. — Знаешь, настоящий ведьмак мог бы сделать это и своей слабой рукой.

Геральт, все еще перевернутый, улыбнулся и выполнил еще одно повторение.

«Это моя слабая рука», — ответил он, слезая с пилона, его ноги касались земли с грацией кошки.

Два ведьмака приветствовали друг друга рукопожатием и похлопыванием по плечу.

«Извини, что я оставил ворота открытыми, но я не думал, что у меня будут посетители. В прошлый раз, когда мы разговаривали, ты сказал, что никогда сюда не вернешься».

«Да, ну… старые привычки отмирают с трудом…» — ответил Эскель с улыбкой.

«…Итак, черт возьми, убедитесь, что это хорошие привычки», — сказали они в унисон, подражая одному из часто повторяемых принципов Весемира.

«Мы можем поговорить позже», — с усмешкой заявил Геральт. «Прямо сейчас вытащи свой меч. Давненько я не замахивался клинками на настоящего противника».

«Вы идете», — ответил Эскель.

«Однако я должен тебя предупредить. За исключением тех случаев, когда я ремонтировал это место, за последние четыре месяца я тратил почти каждую минуту бодрствования на тренировки. Я даже придумал несколько новых трюков».

"Это правильно?"

— Да, — ответил Геральт с ухмылкой. «Вы будете шокированы».

ooo

Вечером того же дня Геральт и Эскель сидели на балконе, выпуская дым из труб вверх, в сторону ночного неба, полного мерцающих звезд. Между ними располагалась хименея, ее маленького пламени было достаточно, чтобы сделать терпимым холодный зимний воздух. Они вспоминали последние шесть месяцев жизни друг друга. Геральту понадобился час, чтобы подвести итоги событий, произошедших с мая, начиная с того момента, когда он и Цири покинули Каэр Морхен, чтобы выследить Имлерита – убийцу Весемира, – и заканчивая его прозрением в лесу к востоку от Ринде.

«После похорон тролля я пришел сюда только по той причине, что мне нужен был новый серебряный меч. Я спустился в арсенал, выбрал один, а затем провел остаток дня, чистя и затачивая его. Когда я закончил, по какой-то причине я решил почистить и заточить там все мечи. И затем, следующее, что я помню, я чиню все, что могу, в крепости. До сих пор даже не понимаю, почему я это сделал, но… это Мне потребовались месяцы, чтобы отремонтировать это место и снова сделать его безопасным».

«Ну, ты проделал чертовски хорошую работу», — сказал Эскель. «Весемир, он… он бы гордился».

Услышав имя своего наставника, Геральт повернул голову и посмотрел в глаза Эскелю.

«Он бы этого не признал, — добавил Эскель, — но все же…»

Два ведьмака какое-то время продолжали смотреть друг на друга, прежде чем, в конце концов, кивнули головами.

— Да, — согласился Геральт, а затем вздохнул. "Ага."

Затем он отвернулся и посмотрел на ночное небо, делая долгую затяжку трубки.

После этого они несколько мгновений сидели тихо, куря и оставаясь наедине со своими мыслями. В конце концов Геральт нарушил молчание.

«Знаете, я думаю, что ремонт был важен не только для меня, но и для самой крепости».

"Что ты имеешь в виду?" — спросил Эскель.

«Чем больше я ремонтировал это старое место, тем больше мотивации я, казалось, находил… вернуться к привычке тренироваться каждый день. Я думаю, что… просто иметь что-то продуктивное было очень полезно для меня. После убийства Старухи "Я был на Пути несколько недель, не имея возможности найти контракт, и мне ничего не оставалось, как пить и погрязнуть в своих страданиях. Ненависть, которую я чувствовал к себе, казалось, росла с каждым днем... так что было хорошо быть здесь, иметь возможность направить свою негативную энергию во что-то полезное».

Эскель понимающе кивнул. «Мне очень жаль, Геральт. Жаль слышать о Цири. И мне жаль, что ты так много боролся. Я бы хотел, чтобы ты нашел друга – меня, или Ламберта, или Лютика».

Геральт поднял на него бровь.

«Правда? Решением Ламберта было бы напиться и ожесточиться, что я и сделал, и это явно был неправильный выбор. А Лютик? Он бы предположил, что шлюхи — это ключ к преодолению моего горя. Много-много шлюх».

Эскель рассмеялся. «Совершенно верно. Тогда… мне бы хотелось, чтобы ты разыскал меня. Было бы нехорошо, если бы ты пытался пройти через это в одиночку».

«Эскель, я ведьмак. Мы всегда одни. Ты лучше всех это знаешь».

— Верно… верно, — сказал он, слегка кивнув. «Ну… по сравнению с тем, как ты описал свое состояние этим летом, сейчас ты выглядишь лучше».

«Да… мне лучше. Не знаю, могу ли я сказать, что я «хорош», но мне лучше ».

«Что мешает тебе быть «хорошим»?»

«Слишком много вопросов и слишком мало ответов».

"О?"

«Жизнь, смерть, смысл всего этого».

«О, это все?» - пошутил Эскель.

— Да, — с усмешкой ответил Геральт.

«Итак… какие именно у тебя вопросы?

Белый Волк глубоко вздохнул. «Я всегда говорил и верил, что ведьмаком меня сделала судьба. Судьба — это то, что привело меня в Каэр Морхен в детстве. Именно поэтому я прошел через испытания и мутации. Именно поэтому я был на Пути почти столетие. Это то, что привело Цири в мою жизнь. Сколько себя помню, я просто объяснял события своей жизни именно так. Я особо не подвергал это сомнению. Но теперь я не так уверен Я начинаю верить, что есть что-то большее».

«Что ты имеешь в виду – что судьба хочет, чтобы ты был больше, чем ведьмаком, или что на самом деле не «судьба» сделала тебя им?»

Геральт покачал головой. «Честно говоря, я и сам не уверен. Вот почему я в таком замешательстве». Он помолчал на мгновение, прежде чем спросить: «Вы верите, что мы – ведьмаки – вносим какой-то реальный вклад в этот мир?»

Эскель кивнул. «Да, я знаю. А ты нет?»

Геральт слегка покачал головой. «Я знаю, что мы предоставляем необходимую услугу. Но иногда мне кажется, что по большому счету то, что я делаю, на самом деле не имеет значения – ничто из того, что я делаю, по-настоящему не имеет значения. После того, как я подписываю контракт, наступает удовлетворение от преследования зверя, а затем азарт битвы. После этого появляется даже чувство удовлетворения или выполненного долга. Но, в конце концов, иногда быстро, все эти чувства сменяются… пустотой. Как будто есть что-то внутри меня, который жаждет… большего, чего-то еще. Чего-то, что ведьмак не может удовлетворить».

«Я могу это понять. Иногда я тоже так себя чувствую. Но когда я начинаю так думать, я вспоминаю разговор, который у меня был давным-давно в таверне в Метинне, когда я выпивал со школьным учителем. Мы говорили именно на эту тему – о смысле жизни и о том, как иногда она может показаться бесполезной, и он рассказал мне притчу, которая запомнилась мне все эти десятилетия спустя. Шторм и волны выбросили на пляж тысячи морских звезд. Прогуливаясь, он видит на пляже маленького мальчика, который берет морские звезды и бросает их по одной обратно в океан. Старик идет подходит к мальчику и говорит: "Посмотри на все эти морские звезды. Их, должно быть, тысячи. Ты правда думаешь, что ты - сам по себе - можешь изменить ситуацию?" Маленький мальчик смотрит на него, а затем наклоняется, берет морскую звезду и бросает ее в море. Он говорит: «Я не знаю, сэр, но я знаю, что я только что изменил ее».

«И именно поэтому я думаю, что то, что мы делаем, имеет значение. Я, честно говоря, не знаю, насколько большое значение я вношу в общую схему вещей, но каждый раз я могу спасти деревню, семью или даже просто одного человека от какого-то опасного зверя, тогда я изменю ситуацию для этого человека. И для меня этого достаточно».

Геральт кивнул головой. «Хм, мне действительно нравится эта история. Хотя, если бы эта притча была правдива в реальной жизни, то через неделю разразился еще один шторм, и все те морские звезды, которые он выбросил в океан, просто были выброшены обратно на берег».

Эскель ухмыльнулся. «Я не уверен, кто более циничен – ты или Ламберт».

Геральт посмотрел на своего друга. «Вы говорите «циник». Я говорю «реалист». А Ламберт явно более измучен, чем я. Он бы заявил, что шторм также уничтожил дом и семью мальчика».

Эскель рассмеялся. «Да, он бы это сделал».

После минутного молчания Геральт продолжил. «Я понимаю, что вы говорите. Но, в конечном счете, с точки зрения вечности, то, что мы делаем здесь, в этой жизни – что кто-то делает здесь в этой жизни – действительно имеет значение только в том случае, если существует жизнь после смерти, верно?»

"Как же так?"

«Ну, если, когда мы умрем, всё — наше тело, разум и душа просто перестанут существовать, то, по моему скромному мнению, в конечном итоге не имеет значения, как мы проживём свою жизнь. Нет, если мы отведем глаза. оторваться от себя на мгновение и начать смотреть на этот мир и эту вселенную как на большую картину».

Эскель кивнул. «Я бы согласился, но это довольно большое «если». Тем более, что мы на самом деле не знаем, что происходит с нами, когда мы умираем. Но мой вопрос в том, почему «прекращение существования» вообще беспокоит вас? Я имею в виду, это не значит, что вас это волнует. На самом деле, разве многие – если не большинство – люди не заявляют, что это на самом деле будет весьма освобождающим?»

«Освобождение? Каким образом?»

«Ну, если мы просто перестанем существовать, когда умрем, то это означает, что не существует вечных последствий для того, как мы живем, верно? Мы можем жить «хорошей» жизнью, «плохой» жизнью или безразличной жизнью, и это не так. "Это не имеет значения. Мы не будем ни перед кем нести ответственность за то, что мы сделали. Мы могли бы жить так, как будто этот мир - не что иное, как наша личная кондитерская - брать и есть все, что захотим. Многие люди мне бы это понравилось».

«Черт, большинство людей уже живут именно так».

— Именно. Так почему тебя это беспокоит?

«Ты сам это сказал. Если это так, то то, как мы проживаем свою жизнь, не имеет значения. Человек, который живет добродетельной, честной жизнью, не лучше, чем человек обмана и бесчестия. в одном и том же месте. Если после нашей смерти не останется просто «ничего», тогда… наша жизнь с точки зрения вечности бессмысленна. И это то, что меня беспокоит. Я хочу, чтобы моя жизнь имела значение. Я хочу, чтобы жизнь Цири имела значение. Больше всего на свете "Я хочу, чтобы ее жертва имела значение. На самом деле, Эскель, я не могу этого объяснить, но есть что-то внутри меня, что говорит мне, что наша жизнь должна иметь значение - что эта жизнь - это еще не все, что есть. Что мы есть часть чего-то... вечного. Как я уже говорил ранее, раньше я верил, что судьба призвала меня стать ведьмаком. Но теперь есть что-то еще - нечто большее, чем судьба, зовущая меня к... чему-то. Я просто не знаю, к чему это."

«Ну, если ты это поймешь, я бы хотел об этом услышать».

Геральт кивнул, глядя на озеро внизу. «Да», сказал он со вздохом.

Затем он повернулся и посмотрел на своего друга. «Спасибо, Эскель… за то, что выслушал».

«В любое время, Волк. В любое время».

После этого два ведьмака некоторое время сидели в уютной тишине, затягивая трубки и глядя на тысячи звезд над ними. Шли минуты, а ночной воздух становился все холоднее, и дерево в хименеях время от времени потрескивало и трещало рядом с ними, посылая вверх огненные угли, смешиваясь с тысячелетним звездным светом.

ooo

http://tl.rulate.ru/book/100010/3410503